

Несколько классных активистов только что протянули свои пригласительные билеты, как в следующий же миг увидели, что сотрудник персонала даже не взглянул в их сторону — он сразу же жестом пригласил пройти Линь Сюэцэ.

Во внутренний зал.

Туда, где уже сидел господин У, где были отдельные места и специально выделенный персонал.

Ребята переглянулись.

Для них это был первый подобный приём — масштабное мероприятие, элитный банкет, всё «по-взрослому». Они готовились заранее: изучили схему зала, расположение мест, негласную иерархию.

Здесь всё было просто: чем глубже в зале — тем выше статус. Чем ближе к центру — тем важнее персона в глазах семьи Линь.

А их самих разместили во внешнем выставочном холле.

Они не жаловались — кто они такие? Всего лишь студенты. То, что их вообще пригласили, уже было проявлением уважения со стороны Линь Цинтяня. Жаловаться на семью Линь было бы просто неприлично.

Но Линь Сюэцэ...

Почему он — в самом центре?

Судя по словам персонала, дело было даже не в его статусе «приёмного наследника».

Скорее — в том самом господине У.

Похоже, именно через него Линь Сюэцэ и получил доступ туда, куда им самим было не суждено попасть.

Пока они об этом думали, тот самый сотрудник, который только что передал Линь Сюэцэ приглашение, заметил, что студенты тоже тянут ему свои пригласительные, и поспешно сказал:

— За выставочный зал отвечает персонал справа. Пожалуйста, передайте приглашения им.

Один из активистов не выдержал:

— Линь Сюэцэ тоже приглашён официально?

Сотрудник взглянул на него, потом на Линь Сюэцэ и спокойно ответил:

— Приглашения для него и господина У были заполнены лично господином Чжэн и господином Линь.

— Господин У — это...?

— У Гуй, — пояснил он. — Господин Линь и господин У прибыли вместе.

Вообще-то, сотрудникам не полагалось раскрывать такие детали.

Но он работал на семью Линь.

А раз семья Линь ясно показывала своё отношение к Линь Сюэцэ, он просто следовал этому же тону.

Даже понимая, что эти студенты настроены недоброжелательно, он всё равно — в рамках дозволенного — дал им немного информации.

Линь Сюэцэ всё это видел.

И даже не стал ничего говорить.

Внутри у него было только глухое раздражение.

«Всего лишь День рождения. Всего лишь банкет. А устроили — как коронацию. Иерархия, ранги, уровни... Ещё немного — и подумаешь, что это император празднует юбилей».

Сотрудник ушёл по делам.

Активисты сначала злились: уровень обращения с Линь Сюэцэ был явно выше, чем с ними.

Но стоило им узнать, что причина — господин У, как их эмоции мгновенно сменились холодным спокойствием.

А взгляды, брошенные на Линь Сюэцэ, наполнились лёгким, ленивым презрением.

Значит, они ошиблись.

Значит, одежда на нём, скорее всего, действительно оригинальная.

Но чувство вины у них не возникло.

Потому что, по их мнению, это всё равно была одежда, которую Линь Сюэцэ не мог себе позволить.

Даже если она настоящая — это ещё унижительнее, чем носить подделку.

Ибо ещё до сессии на школьном форуме уже гуляли слухи:

Линь Сюэцэ соержанец.

Тот пост удалили очень быстро. Увидели его немногие. Но слухи — как вирус: расползаются мгновенно.

Меньше чем за сутки почти все, кто был знаком с Линь Сюэцэ, уже знали об этом.

Кто-то шептался, кто-то строил догадки, версии были самые разные — но без доказательств

тема быстро сошла на нет.

Никто напрямую Линь Сюэцэ об этом не говорил.

Просто начали его избегать.

Как чумы.

Старались не пересекаться, не заговаривать, не смотреть лишний раз — будто само присутствие рядом могло быть заразным.

И никто не ожидал, что сегодня всё это... вдруг подтвердится.

Активисты класса были обычными студентами и в делах бизнес-кругов особо не разбирались.

Но имя У Гуй в Хайцзине знал каждый. Без преувеличений — каждый.

Патриотичный предприниматель. Весь огромный район в центре города — его личная собственность. Годы накопленного капитала, которые обычный человек не смог бы потратить и за десятки жизней.

Единственный недостаток — он был безнадежно, пугающе некрасив.

Само по себе то, что Линь Сюэцэ с ним — уже выглядело мерзко.

Но они даже не попытались это скрыть.

Наоборот — демонстративно пришли вместе на банкет, пользуясь его именем.

А Линь Сюэцэ — в этих люксовых брендах, дорогих тканях, блеске и лоске — выглядел, как мелкий человек, дорвавшийся до власти.

Как тот, кто жаждет прокричать всему миру:

«Смотрите, я нашёл себе богатого старика-покровителя».

Эта мысль переполнила чашу.

Один из них больше не сдержался:

— Линь Сюэцэ, даже если тебе плевать на себя, ты мог бы хоть немного подумать о репутации школы.

— Точно. Мы и так учимся на творческих специальностях — нас и без того не очень уважают. Мы стараемся ломать стереотипы, а ты что делаешь? Просто поливаешь школу грязью.

— Ты понимаешь, что твои поступки вредят не только тебе? Ты портишь жизнь и другим. Тебе вообще не стыдно?

Линь Сюэцэ посмотрел на них с искренним недоумением произнёс:

— Вы вообще о чём?

— О чём — ты прекрасно знаешь.

— Мы же однокурсники, не обязательно всё проговаривать вслух. Тебе плевать, а нам ещё лицо сохранять нужно.

— Это место вообще не для тебя. Зачем лезть туда, где тебе не место?

— На твоём месте я бы просто ушёл. Каникулы уже начались — сиди себе спокойно дома. Если бы ты не выползал «чудить», о тебе вообще никто бы не вспоминал.

Они перебрасывались фразами, давили, наезжали, загоняли — один за другим.

И именно в этот момент гости, закончив регистрацию, начали заходить в зал.

У Гуй сразу заметил Линь Сюэцэ.

Он направился к нему, и, увидев группу студентов вокруг него, тут же сказал мягко, тепло:

— Малыш, прости, что заставил ждать. А это... кто?

— Мои однокурсники, — спокойно ответил Линь Сюэцэ.

У Гуй ещё тогда, когда нашёл Линь Сюэцэ, тщательно изучил всё его прошлое.

Он знал, как к нему относились в школе.

Знал, в каком положении он там находился.

Но сам Линь Сюэцэ говорил, что ему всё равно.

Плюс приближалась сессия — в такой период любое вмешательство только усугубило бы ситуацию. Поэтому У Гуй не лез.

И вот теперь он впервые увидел этих самых «однокурсников» вживую.

И одного взгляда было достаточно.

Лица, выражения, манера держаться — всё было ровно таким, каким он это и представлял.

Люди, с которыми невозможно быть в мире.

У Гуй подошёл ближе к Линь Сюэцэ, встал рядом с ним и, улыбаясь, посмотрел на студентов:

— О чём это вы так увлечённо беседуете? Мне показалось, что кто-то тут собирается нас... выставить за дверь?

С Линь Сюэцэ они могли разговаривать свысока. Всё-таки в классе они были «активисты»,

«старшие», те, кто имеет право поучать и контролировать обычных студентов.

Но У Гуй — это был уже совершенно другой уровень. Несопоставимый.

Не просто взрослый человек из «социума». А фигура из бизнес-мира. Имя, вес, влияние.

Даже семья Линь рядом с ним выглядела скромно.

А они — обычные студенты — и вовсе были на уровне пылинок.

Да, он был невысоким. Да, внешность оставляла желать лучшего. Но его статус был очевиден.

Сейчас, окружённый людьми, вниманием, уважением, он буквально излучал давление и власть.

Активисты внутренне презирали и Линь Сюэцэ, и У Гуя.

Но под этим взглядом, под этим спокойным, тяжёлым присутствием — они просто не осмелились продолжать.

Слова застряли в горле. Они молча опустили глаза.

Воздух застыл.

Неловкость повисла плотным, вязким слоем.

Обычно бизнесмены действуют иначе.

«Мир — ради выгоды».

Особенно с детьми, со студентами.

Даже самый вспыльчивый, грубый, самодовольный мужик среднего возраста в такой ситуации обычно сглаживает углы: улыбка, шутка, шаг назад — и всё замято.

Но сегодня У Гуй был не таким.

Он не говорил больше ничего.

Не делал резких движений. Просто стоял перед Линь Сюэцэ, спокойно, неподвижно, смотрел на них — с выражением человека, который не уйдёт, пока не получит ответ.

— Если здесь нам не рады, — тихо сказал он, — я могу уйти вместе с моим малышом.

И вот тут началась паника. Потому что У Гуй был не просто гостем. Он был центральной фигурой этого вечера.

Да, формально банкет был в честь Линь Гохуа. Но немалая часть присутствующих пришла именно из-за У Гуя.

Если он уйдёт — это будет скандал.

Репутационный удар.

Провал приёма.

Позор для семьи Линь.

И неудобство для всех гостей.

— Да это же дети, что с них взять, — поспешно заговорили вокруг. — У Гуй, не стоит опускаться до их уровня.

— Вы что встали? — зашипели другие. — Быстро извиняйтесь перед господином У и господином Линем!

Под этим давлением, под взглядами, под напряжением зала лица у активистов то краснели, то белели.

И в конце концов им пришлось склонить головы и извиниться.

Для людей, привыкших быть «главными», давить, командовать, унижать — это было хуже пощёчины.

Хуже драки.

Хуже унижения в одиночку.

Публичное извинение перед Линь Сюэцэ на глазах у всех было для них почти физической болью.

И в этот момент из внутреннего зала быстрым шагом вышел мужчина.

Кремовый костюм.

Идеально уложенные волосы — высокий, глянцевого «зачёс назад».

Выглядел он так, будто сошёл с экрана телевизора — типичный аристократичный плейбой.

Это был Линь Цинтянь.

Формально главным героем дня считался Линь Гохуа.

Но по-настоящему всё внимание семьи Линь было сосредоточено именно на нём.

Поэтому Линь Цинтянь специально подготовился: причёска, образ, стиль — чтобы выглядеть старше, солиднее, увереннее, и быстрее войти в бизнес-круги Хайцзина, засветиться, стать «узнаваемым лицом».

Услышав, что у входа возник конфликт — и что в нём замешан Линь Сюэцэ, он немедленно вышел наружу.

И остановился прямо перед группой активистов.

— Дамы и господа, простите, пожалуйста, — с мягкой улыбкой заговорил Линь Цинтянь. — Внутри сейчас слишком много дел, я не успел лично всех встретить. Сегодня День рождения моего отца, и если произошло что-то неприятное — позвольте мне принести извинения от имени семьи.

Он повернулся к У Гую и Линь Сюэцэ:

— Господин У, вы сегодня наш самый почётный гость.

— Сюэцэ... давно не виделись. Папа и мама очень по тебе скучают. Проходи скорее внутрь.

Когда хозяин дома лично выходит встречать и улаживать конфликт — это уже знак уважения, который нельзя игнорировать.

Плюс активисты уже принесли извинения — инцидент был официально закрыт.

У Гуй слегка кивнул Линь Цинтяню и, обняв Линь Сюэцэ за плечо, повёл его вглубь зала.

Когда они ушли, Линь Цинтянь развернулся к притихшей группе студентов и с мягкой, сочувственной улыбкой сказал:

— Ребята, простите. Вы пришли на праздник моего отца, а в итоге ещё и оказались в такой ситуации. Мне правда жаль.

Активисты были людьми гордыми. Извинение для них — как унижение. Они уже решили, что Линь Цинтянь, как и остальные, просто не считает их за людей, раз бросился обслуживать У Гуя и Линь Сюэцэ.

И вдруг — эти слова.

Эта поддержка.

Эта вежливость.

Их будто прорвало.

В один миг Линь Цинтянь в их глазах превратился в своего. Такого же «пострадавшего». Такого же «задавленного» Линь Сюэцэ.

— Цинтянь, это не твоя вина, — выпалил один. — Это Линь Сюэцэ совсем обнаглел.

— Мы просто хотели его вразумить, а он...

Линь Цинтянь слушал их жалобы и тихо, с горькой улыбкой сказал:

— Сюэцэ... с детства рос в семье Линь, его слишком баловали. Характер, конечно, получился высокомерный. А теперь ещё и господин У так высоко ценит его талант...

Этого хватило.

Они взорвались.

— Талант?! У него одно сплошное чёрное прошлое — никому не нужная бывшая детская

звезда! Какой ещё талант?!

— Да его просто содержит старый извращенец, вот он и хвост распустил!

— Он всю жизнь жил в роскоши только потому, что украл твою судьбу!

— Подделка! Фальшивка! И ещё смеет так себя вести перед тобой — мерзость!

— Я, кстати, тайком снял видео, как он с этим старым уродом давит людей своим статусом. Сейчас смонтирую и выложу в Weibo. Пусть все увидят. Пусть эта парочка сдохнет социально!

В глазах Линь Цинтяня вспыхнул свет.

Он едва не рассмеялся.

Попались.

Не зря он всё рассчитывал.

Не зря специально пригласил именно их.

Не зря выбрал момент.

Они не подвели его.

Внутри — ликование. Триумф. Холодное, хищное удовольствие. Но внешне он по-прежнему выглядел печальным, усталым, доброжелательным.

Он позволил им выговориться.

Позволил выплеснуть злобу.

Позволил ненависти разлиться до конца.

И только потом мягко сказал:

— Ладно... пойдёте внутрь. Праздник уже начинается.

Он пригласил их в зал.

Банкет семьи Линь. Юбилей. Торжество.

И вместе с ним — начало чего-то гораздо более тёмного, грязного и опасного.

<http://bllate.org/book/14966/1411243>